

А. А. ДОБРИЦЫН

«НАШЕДШИЙ ПОДКОВУ»: АНТИЧНОСТЬ
В ПОЭЗИИ МАНДЕЛЬШТАМА

(дополнение к комментарию)

О классических мотивах в поэзии Мандельштама написано уже немало (Przybylski 1966; Terras 1966; Тарановский 1967; Taranovsky 1976; Левинтон 1977; Schlott 1981; Ronen 1983; и др.). Однако тема эта настолько обширна, что исчерпать ее удастся не скоро, тем более что возможны различные подходы к самой постановке проблемы (ср. Левинтон 1977, № III: 201—202; Oraić 1988). Между мандельштамовскими стихами и античными текстами существуют многочисленные параллели, которые вовсе не обязательно объясняются прямой цитацией. Поэт обновлял и использовал образы, метафоры и сюжеты, которые в классической литературе были общим местом («пчелы», «мед», «корабль», «прядение», «прорастание зерна» и т. д.), поэтому не всегда есть смысл доискиваться конкретного первоисточника — такого может и не быть. Если структура творимого Мандельштамом мира иногда оказывается похожей (и даже в подробностях) на устройство мироздания у древних, вряд ли это можно объяснить простым заимствованием отдельных деталей. Тем не менее, с помощью некоторых античных текстов легче понять многие загадочные мандельштамовские стихи и увидеть, как они связаны с мировой культурной традицией.

Одним из таких источников является фрагмент Гераклита В 52. В изданиях начала века он переводится по-разному ¹:

1) «Вѣчность <αἰών> есть дитя, играющее костями — царство дитяти» (Нилендер 1910, 21);

2) «Вѣчность есть играющее дитя, которое разставляет шашки: царство (надъ міромъ) принадлежит ребенку» (Маковельский 1914, I: 156 сл.).

3) «Вѣкъ — ребенокъ, играющій въ шашки. Ребенку принадлежит царство» [Ганнери 1902, 63 (2-й пагинации)].

Этот фрагмент вызвал противоречивые толкования: «По мнѣнію однихъ, ребенокъ разставляетъ шашки, какъ попало, затѣмъ разбрасываетъ ихъ <...> игра носить капризный, случайный характеръ. По мнѣнію другихъ, это — игра въ войну, подобная современнымъ шахматамъ, основанная на разумныхъ комбинаціяхъ и требующая серьезнаго

размышления <...> По мнѣнію Целлера, въ данномъ образѣ пунктъ сравненія — не въ безцѣльности дѣла ребенка и равнымъ образомъ не въ расчетливости <...> но въ томъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего постоянного, все непрестанно мѣняетъ свое мѣсто <...> толкованіе Тейхмюллера: сравненіе указываетъ на вѣчную юность міра и на легкость, съ которой совершается все мірообразующей силой» (Маковельскій 1914, I: 156—157).

Афоризм Гераклита нашел отражение в одном из мандельштамовских «Восьмистиший» (1933):

И там, где скрепились бирюльки,
Ребенок молчанье хранит,
Большая вселенная в люльке
У маленькой вечности спит ².

Отзвуки этого изречения есть также в стихотворении «Век» (1922):

Словно нежный хрящ ребенка
Век младенческой земли <...>;

в «Нашедшем подкову» (1923):

<...> Дети играют в бабки позвонками умерших животных.
Хрупкое летоисчисление нашей эры подходит к концу;

может быть, в «Грифельной оде» (1923):

И в бабки нежная игра <...> ³

Весь «триптих» 1922—1923 гг. — «Век», «Нашедший подкову» и «Грифельная ода» — образует своего рода «цикл», посвященный теме времени (Teras 1969), поэтому появление здесь Гераклитовой (или квази-Гераклитовой) метафоры вполне объяснимо. Пытаясь уразуметь суть исторических катаклизмов, Мандельштам включает эту метафору в круг «дионисийских» представлений о смерти и возрождении: тому, кто воспринял античную традицию под влиянием Вяч. Иванова, было естественно увидеть в смене эпох смерть старого («христианско-эллинистического») и рождение нового эона ⁴.

Стихотворение «Нашедший подкову» имело подзаголовок «Пиндарический отрывок». Резкие по видимости смысловые переходы действительно напоминают здесь Пиндара, в чьих одах смысловое членение не совпадает со строфическим (см. Гаспаров 1980). Стихотворение Мандельштама по смыслу можно разбить на неравностроичные «строфы» (своего рода абзацы), причем структура такого членения будет напоминать пиндаровскую ⁵.

В первых 28 строках (можно считать, что они распадаются на две «строфы», по 14 стихов каждая ⁶) — говорится о корабельных со снах, что растут в горах и мечтают стать мачтами и досками корабля:

<...> И шумели под пресным ливнем,
Безуспешно предлагая небу выменять на щепотку соли
Свой благородный груз.

В этих же «строфах» говорится об уже построенном корабле:

<...> Любуясь на доски,
Заклепанные, слаженные в переборки <...>

Третья «строфа» (9 строк) — о «сырых» словах, сравнениях и метафорах, из которых должно быть «построено» стихотворение:

С чего начать?
Все трещит и качается.
Воздух дрожит от сравнений.
Ни одно слово не лучше другого,
Земля гудит метафорой... ⁷

Из смыслового параллелизма «строф» следует сравнение поэзии с кораблем:

$$\frac{\text{сосны}}{\text{корабль}} = \frac{\text{слово (метафора)}}{\text{поэзия}}$$

Как известно, *корабль* (*лодка, челнок*) часто символизирует у Мандельштама поэзию, поэтическое слово ⁸, а воды, по которым плывет корабль, оказываются «морем вечности» или «рекой времени» ⁹, поэтому можно сказать, что тема времени неявно присутствует уже в первых двух «строфах» «Нашедшего подкову».

В четвертой (восьмистрочной) «строфе» возникает новая тема имени и памяти / беспамятства:

Трижды блажен, кто введет в песнь имя;
Украшенная названьем песнь
Дольше живет среди других —
Она отмечена среди подруг повязкой на лбу,
Исцеляющей от беспамятства <...>

Ср. Пиф., 1 (пер. Вяч. Иванова): *Наше имя // Переживет нас, и слава // Об отошедших прейдет // В роды смертных* — и Пиф., 11: «<...> доставляя сладчайшему племени превосходнейшее из стяжаний: дарь доброго имени» (Мартынов 1827, I: 221). Заметим также, что «повязка на лбу, исцеляющая от беспамятства», обычно связывается с пиндаровским эпитетом Мнемосины (и Муз) χρυσάμβλος [в переводе И. Мартынова — *златолентая* (1827, II: 103, 137)] (см.

Broyde 1975, 184—185)¹⁰. И так, на вопрос: *С чего начать?* — Мандельштам отвечает: с имени, ибо оно исцеляет от беспамятства, спасает от «голодной» реки времени¹¹.

Пятая (восьмистрочная) «строфа» начинается, как и предыдущая, резким, на первый взгляд, смысловым переходом:

Воздух бывает темным, как вода, и все живое в нем плавает, как рыба,
Плавниками расталкивая сферу,
Плотную, упругую, чуть нагретую, —
Хрусталь, в котором движутся колеса и шарахаются лошади,
Влажный чернозем Нееры, каждую ночь распаханый заново
Вилами, трезубцами, мотыгами, плугами.
Воздух замешен так же густо, как земля, —
Из него нельзя выйти, в него трудно войти.

На самом деле здесь происходит не смена, а развитие темы, намеченной ранее, — темы времени и его насыщенности памятью, именами, одним словом культурой. Здесь три стихии — земля, вода и воздух — собраны в некое первобытное «единство». Устанавливаются все возможные соответствия: 1) воздух, как вода; 2) чернозем влажен и распахивается не только плугом, но и трезубцем, то есть земля, как вода; 3) воздух замешен густо, как земля (ср. Broyde 1973, 58—59). Эта строфа имеет параллели в других стихах и прозе Мандельштама: *Как плугом, океан деля <...>* («Сумерки свободы», 1918); *Переуважена, перечерна, вся в холе, // Вся в холках маленьких, вся воздух и призор <...>* («Чернозем», 1935); *Чернопахотная ночь степных закраин <...>* («Я живу на важных огородах...», 1935) и т. п. Приведенные соответствия вместе с исходным тождеством «время — вода» показывают, что среди трех материальных стихий неявно присутствует четвертая — слившееся с ними время. Из уподобления времени воде, а воды — чернозему логически вытекает: *Время вспахано плугом <...>* («Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...», 1920); «Поэзия — плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху» (Мандельштам 1990, 169). Поэзия-плуг, разделяющая смешанные стихии, — не что иное как Логос, преобразующий Хаос в Космос. Отношение поэта к слову реализуется в этимологической игре, в результате которой выявляется, «оказывается сверху» внутренняя форма слова, извлекаются на поверхность «глубинные слои» языка. «Этимологично» уже само сравнение поэтического творчества с возделыванием земли (*agri cultura*), заключенное в названии статьи «Слово и культура»¹².

С. Бройд мотивирует эпитет *влажный* тем, что, согласно Гесихию, Неера — дочь Океана (Broyde 1973, 59 п. 33). Однако и здесь мы имеем дело не только с мифологией, но и с поэтической этимологией: слово $\nu\epsilon\acute{\alpha}\rho\alpha = \nu\epsilon\acute{\iota}\alpha\rho\alpha$ значило 'находящаяся внизу, под' и связывалось с $\nu\epsilon\acute{\iota}\omicron\varsigma$ 'низкая, равнинная земля; глубокая почва' (ср. родственные друг другу *низ* и *нива*). Вследствие интерференции $\nu\epsilon\acute{\iota}\omicron\varsigma$ и $\nu\epsilon\acute{\omicron}\varsigma$ 'новый; земля под паром' первое слово приобрело значение второго и стало называть поле, приготовленное для посева или наново распаханное (например, Hes., Op. 463; Chantraine 1974, 3: 740). Гефест на щите Ахилла изобразил $\nu\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu <...> \tau\rho\acute{\iota}\pi\omicron\lambda\omicron\nu =$ *три раза распаханый пар* (II. XVIII, 541—542; перевод Н. Гнедича); Деметра делила ложе с Ясионом $\nu\epsilon\acute{\iota}\omicron\ \acute{\epsilon}\nu\acute{\iota}\ \tau\rho\acute{\iota}\pi\omicron\lambda\omicron\upsilon =$ *на поле, три раза вспаханном* (Od. V, 127; перевод В. Жуковского)¹³. В черноземе Нееры скрыта межъязыковая *figura etymologica*: само имя собственное (*блажен, кто введет в песнь имя*) оказывается «вырытым» из «глубинных слоев времени».

«Густой и темный воздух» мандельштамовских стихов — это $\acute{\alpha}\eta\rho$ греческих физиков и философов. Говоря о воззрениях Анаксимандра, С. Н. Трубецкой пишет: «Слово „воздух“, $\acute{\alpha}\eta\rho$, означает у древних не то, что мы подъ этимъ разумѣемъ, а туманъ, болѣе или менѣе густой <...> Отсюда прилагательныя „воздуховидный“ — $\eta\epsilon\rho\omicron\epsilon\acute{\iota}\delta\eta\varsigma$ ($\acute{\alpha}\epsilon\rho\omicron\epsilon\acute{\iota}\delta\eta\varsigma$) въ значеніи туманный, синеватый (напр., море), или „воздушный“ — $\eta\epsilon\rho\acute{\omicron}\epsilon\acute{\iota}\varsigma$, сумрачный, темный, напр. Тартаръ (II. VIII, 13) или ночная тьма, $\zeta\acute{\omicron}\phi\omicron\varsigma$ <...>» (Трубецкой 1910, 76, 77 примеч. 1)¹⁴. Представление о земле как о сгустившейся воде и о воде как о сгустившемся воздухе также имеется у многих досократиков, в частности у Анаксимена: «Изъ воздуха же при его сжатіи образуется облако, а при еще большемъ сгущеніи вода; уплотнившись еще болѣе, (воздухъ становится) землей, и наиболѣе плотный воздухъ (это —) камни» (Маковельский 1914, I: 53). Нечто подобное есть и у Гераклита. Приведем соответствующее место в изложении С. Н. Трубецкого: «<...> „душамъ смерть — становится водою, водѣ смерть — становится землею. Изъ земли же происходитъ вода, а изъ воды — душа“ (fr. 36), т.-е. то „сухое“, горючее испареніе, которое горитъ и свѣтится въ насъ и питаетъ собою нашу душевную жизнь, какъ оно питаетъ собою солнце и звѣзды» (Трубецкой 1910, 115). Овидий преподносит аналогичные воззрения как учение пифагорейцев (Met. XV, 245—251).

В пятой «строфе» появляется также образ замкнутого сферического мира. Сфера, «в которой движутся колеса», — это очень распростра-

ненный концепт, выполняющий, однако, разные функции в многочисленных античных космологиях. Например, у пифагорейца Филолая создание шаровидного космоса уподобляется постройке корабля (Маковельский 1919, III: 30). Шаровидно бытие у Парменида. У Эмпедокла в период господства Любви «подъ плотнымъ покровомъ Гармоніи утверждается округленный, гордый совершенной замкнутостью Сферось» (Маковельский 1915, II: 181), в котором отдельные стихии, еще не разделенные Враждой, смешаны воедино. Согласно Эмпедоклу, Луна вокруг Земли «вращается <...> какъ втулка у колесницы, огибая высокий столбъ въ ристалищѣ» (Маковельский 1915, II: 197). У Анаксимандра «солнечное кольцо <...> подобно колесничному колесу» (Маковельский 1914, I: 43). Вообще конями и колесницами¹⁵ владеют многие мифологические персонажи, соотносимые с небесными телами, например Фэтон (о котором напоминают «шарахающиеся лошади»); нам же особенно интересны кони Кроноса-Сатурна (κρόνιπποι), сливавшегося в народной этимологии с Хроносом-временем. «Конь-время» — древний символ, известный далеко за пределами античного мира (Брагинская 1975)¹⁶.

Сфера у Мандельштама — образ не только мира, но и самого времени. Совершенный шар — это век, αἶών, заверченный отрезок исторического времени, уже неизменный, ставший частью вечности. В шестой, одиннадцатистрочной, «строфе» «Нашедшего подкову»:

Эра звенела, как шар золотой,
Полая, литая, никем не поддерживаемая¹⁷,
На всякое прикосновение отвечала «да» и «нет».

Сфера, шар — эллинско-христианская эра. Характерен для мандельштамовского восприятия эллинистической культуры эпитет *чуть нагретая* [например, в статье «О природе слова» (1921—1922): «Эллинизм — это всякая печка, около которой сидит человек и ценит ее тепло, как родственное его внутреннему теплу» (1990, 182)]; «да» и «нет» — по-видимому, евангельская реминисценция (Мф 5, 37). Воздух эпохи, ее почва и время «густо замешены», «распаханы», то есть возделаны, насыщены культурой. Однако и эта эра обречена кануть в ночь¹⁸, в вечность (<...> *вечности жерлом пожрется // И общей не уйдет судьбы*), уступив место новой, рождающейся эпохе. Здесь собственно возникает Гераклитова метафора «вечность-ребенок»:

Шорох пробегает по деревьям зеленой лаптой¹⁹.
Дети играют в бабки позвонками умерших животных.
Хрупкое летоисчисление нашей эры подходит к концу²⁰.

Αἰών — термин, употребленный Гераклитом во фрагменте В 52, имел первоначально, как это установил в 1937 г. Э. Бенвенист, значение 'жизненной силы' и 'спинного мозга' как средоточия жизни, затем у трагиков получил значение 'век, отрезок человеческой жизни' и у философов — 'вечность как противоположность времени' (χρόνος) (см. Chantraine 1968, 1: 42). Характерно, что Мандельштам заменил *шапки* и даже *кости* — *позвонками* и связал век с позвоночником [*Но разбит твой позвоночник, // Мой прекрасный жалкий век («Век»*)] за 15 лет до пионерской работы Бенвениста. «Мандельштам не выучил греческого языка, но он отгадал его» (Мочульский 1988, 113) ²¹.

Впоследствии термин αἰών (эон) широко использовался в позднеантичной и раннехристианской философии, в особенности у гностиков. При этом, имея оттенок завершенности и цикличности, эон персонифицируется как конь, бегущий по кругу на ристалище (у христианина Евсевия Кесарийского эон-конь, которым правит Логос, бежит уже по прямой, но и у этого автора небесные светила совершают «длинный путь кругами больших эонов <...> состязаясь в конском беге на эфирных поприщах» (Брагинская 1975, 288) ²². А. В. Лебедев показал, что стадион как динамическую модель космоса можно обнаружить и у Гераклита, причем «образ стадиона <...> представляет собой коррелят к образу реки» [1987, 41; заметим, что символом превратностей судьбы мог бы служить не только мифолого-космологический, но и конкретно-исторический константинопольский ипподром, где и короновали, и казнили императоров (один из замученных — упомянутый Мандельштамом Андроник Комнин)] ²³. Персонифицированный эон изображался и как хронократор, и как космократор; был и термин «держатель вечного небесного свода», αἰωνοπολόκρατωρ (Belayche 1984), так что эон упорядочивал не только течение времени, но и устройство пространства.

Эра — *шар золотой* — ассоциируется и с золотым веком. К тому же кругу идей принадлежит представление о цикличности времени: вселенная, пройдя через всю последовательность состояний, начиная с золотого века, разрушается, и мир создается заново. У Гераклита, например, мир регулярно гибнет в огне ²⁴; в «Тимее» (22cd) великий пожар связывается с мифом о Фаэтоне, не справившемся с конями (если принять во внимание метафору «конь-век», то миф о Фаэтоне действительно можно толковать как аллегория гибели века-эона). Согласно Эмпедоклу, эпохи господства Любви и Вражды периодически

сменяют друг друга (причем золотому веку соответствует, видимо, переходный период). Поэтому не вызывает удивления изображение на монете времен Адриана: в зодиакальном круге — человеческая фигура, держащая в руке шар с восседающим на нем фениксом; надпись на монете: SAEC[ulum] AUR[eum]. В эпоху проникновения митраизма в Рим распространились миксантропические и тератоморфные изображения Эона, например в виде львиноголового старца или в виде трехголового существа, обвитого змеей, у которого волчья голова соответствует прошлому, львиная — настоящему, собачья — будущему (Belauche 1984). В контексте этой символики мандельштамовский «век-волкодав» означал бы будущее, уничтожающее прошлое. Мандельштамовский «век» организован как античный пространственный космос и напоминает в то же время древнееврейский 'olâm, переводившийся в эллинистический период и как κόσμος, и как αἰών и имевший в своей семантике оттенок временного потока (Аверинцев 1975; Бычков 1981, 23) ²⁵.

В пространственных образах времени, пронизывающих «Нашедшего подкову», обретает свое выражение исключительно важный принцип, теоретически обоснованный Мандельштамом в статье «О природе слова»: ссылаясь на Бергсона, поэт ведет речь о явлениях, которые следует рассматривать «не в порядке их подчинения закону временной последовательности, а <...> в порядке их *пространственной протяженности*»; «связанные между собой», они «образуют как бы веер, створки которого можно развернуть во времени, но в то же время он поддается умопостигаемому свертыванию» (1990, 173). Такой взгляд согласуется с представлением о цикличности времени, в рамках которого «закон временной последовательности» не работает: «<...> вчерашний день еще не родился», — говорит Мандельштам о поэзии прошлого (1990, 169). Эта концепция поэтического слова тесно связана с видением времени как пространства: Мандельштам хочет, чтобы слово одновременно обнаруживало все свои синхронические и диахронические связи, как внутри-, так и межъязыковые, чтобы смысл слова был прозрачен и просматривался на любой историко-поэтической и этимологической глубине, или, другими словами, чтобы для Слова остановилось Время: <...> мы вне времени вздохнули // О луговине той, где время не бежит («Вот дароносица, как солнце золотое...», 1915).

Итак, творческие силы эпохи подорваны, позвоночник ее разбит, а то, что уже создано ею, ветшает и угасает. Отсюда — мотив «существования по инерции» в седьмой (девятистрочной) «строфе»:

Звук еще звенит, хотя причина звука исчезла.
 Конь лежит в пыли и храпит в мыле,
 Но крутой поворот его шеи
 Еще сохраняет воспоминание о беге с разбросанными ногами<...>

Утопическому эллинско-христианскому прошлому — пребывающей «вне времени» золотой эре-сфере — противостоит трагическое настоящее — загнанный рухнувший конь с перебитым позвоночником. Ему на смену грядет новый век; пока еще век-младенец. По существу, Мандельштам предлагает оригинальное толкование Гераклитовой гномы: эон-ребенок играет позвонками погибшего эона. (Этот мотив будет продолжен в последней, девятой «строфе».)

В следующей, восьмой (тоже восьмистрочной) «строфе» появляется предмет, давший название всему произведению. Возможно, говоря о нашедшем подкову, Мандельштам имеет в виду себя, подобрившего обломок классического наследия — подкову века-коня, превратившего свой бег. Подкова, подобно кругу²⁶, может символизировать время, а также судьбу: такое значение αἰών имеет у Еврипида (Лосев 1988, 77); Мартынов в Нем., 2 перевел αἰών как *судьбу* (1827, II: 7, 56; ср. I: 200, 268). В таком случае *подкова* является еще одним символом прошедшего века.

В девятой «строфе» вновь возникает мотив затухания, застывания, окаменения:

Человеческие губы,
 которым больше нечего сказать,
 Сохраняют форму последнего сказанного слова,
 И в руке остается ощущение тяжести,
 Хотя кувшин
 наполовину расплескался,
 пока его несли домой²⁷.

Поэт относит себя к умирающей эпохе, объявляет себя невольным ее глашатаем:

То, что я сейчас говорю, говорю не я,
 А вырыто из земли, подобно зернам окаменелой пшеницы.

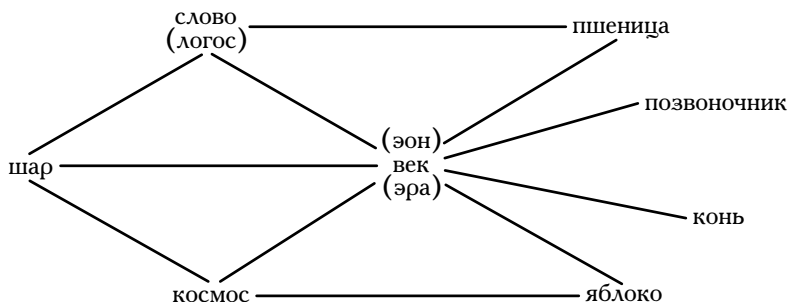
Эти строки перекликаются как с метафорой «поэзия-плуг», так и со стихами о повязке Мнемосины: по древнегреческим представлениям, «устаи поэта, когда он одержим музами, вещает Мнемосина <...> В отличие от прорицателя <...> поэт <...> ориентируется почти исключительно в сторону прошлого», например на героический или золотой век, и «обладает способностью *вспоминать* это далекое прошлое <...> память как бы <...> делает его свидетелем событий, о которых он по-

вествует» (Рожанский 1971, 172). Эпитет *окаменелая* в приложении к *пшенице* может означать 'не способная более прорасти', оказавшаяся своего рода «памятником», которому остается лишь разрушаться. Как-то Мандельштам «сказал Харджиеву, что считает себя последним христианско-эллиническим поэтом в России. Это слово „последний“ — единственное его высказывание, в котором чувствуется страх конца культуры», — вспоминала Н. Я. Мандельштам (Мандельштам 1971, 594).

Одни
на монетах изображают льва²⁸,
Другие —
голову.
Разнообразные медные, золотые и бронзовые лепешки
С одинаковой почестью лежат в земле,
Век, пробуя их перегрызть, оттиснул на них свои зубы²⁹.
Время срезает меня, как монету,
И мне уж не хватает меня самого...

В последних строках можно увидеть тему подлинной / поддельной культуры: минувший век, испытывая на подлинность (а значит, и на прочность) культуру, как будто монету на зуб, поставил на неё пробу; нынешнее же голодное время ведет себя как фальшивомонетчик, срезающий кромку дуката. Мандельштам, говоря о монете, трагически уподобляет себя свидетелю каменеющей эпохи, лишаящейся способности плодоносить³⁰.

С учетом соответствий, установленных С. Бройдом, О. Роненом, Е. А. Годдесом и нами (Добрицын 1990), можно реконструировать «пучок» образно-семантических ассоциаций у Мандельштама:

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цитаты из древних авторов и из книг по античной философии даются, как правило, по изданиям, которыми мог пользоваться сам Мандельштам.
- ² Впервые, по-видимому, на эту цитату обратил внимание О.Ронен (Ronen 1983, 183 п. 133).
- ³ В «Грифельной оде» река-время течет, играя как звереныш. В строке *А в Угличе играют дети в бабки <...>* («На розвальнях, уложенных соломой...», 1916) Мандельштам мог осознанно соотнести космическую игру случая и одну из узловых случайностей русской истории. Время было подходящее, чтобы вспомнить Гераклита — ср. эпиграмму Гумилева по случаю переименования Царского Села в Детское: *Что ж лучше: быть царей под властью // Иль быть забавой злых детей!* («Не Царское Село — к несчастью...», 1921); в 1911 г. Гумилев уже цитировал афоризм Гераклита в написанном галлиямбами стихотворении «Жизнь». Напомним, что и младенца Диониса титаны растерзали, заманив игрушками; по Клименту Александрийскому, среди этих игрушек были игральные кости и кубарь (бабки могут применяться в качестве и того и другого).
- ⁴ Дионисийские мотивы важны для понимания многих мандельштамовских стихов. В частности, они дают ключ к строкам: *<...> Снова в жертву, как ягненка, // Темя жизни принесли* («Век») — убийство Диониса как жертвоприношение интерпретировал Вяч. Иванов (1989, 332).
- ⁵ С. Бройд (Brojde 1975, 221) пишет, что предложенное О.Роненом разбиение 13:14:19+8:8:9+8:8:13 почти точно (по числу строк) соответствует структуре строфа: антистрофа: эпод (так как «Нашедший подкову» написан свободным стихом, о метрическом соответствии «строф» говорить не приходится). О строении од Пиндара Мандельштам мог, в частности, прочесть в брошюре В.А. Грингмута (1887). Среди прочих имелся эквиметрический перевод Вяч. Иванова (Пиф., 1) и прозаический перевод всех од, выполненный И. Мартыновым (1827).
- ⁶ Наше «строфическое» членение учитывает разбиение на строки в последнем наиболее полном Собрании сочинений Мандельштама (Москва 1990, т. 1—2); в других изданиях деление на стихи иное.
- ⁷ Та же проблема выбора слова обсуждается с чисто технической точки зрения в «Риторике» Аристотеля (III, II, 1405b): «<...> неверно утверждение <...> будто нет ничего дурного в том, чтобы одно слово употребить вместо другого, если они значат одно и то же <...> следует предположить, что одно слово прекраснее или безобразнее другого <...>» (пер. Н. Платоновой).
- ⁸ Сравнение поэзии с кораблем многократно встречается в античной литературе — от Пиндара до Овидия. Тут же Мандельштам пользуется еще одним распространенным образом классической поэзии:

<...> легкие двуколки
В броской упряжи густых от натуги птичьих стай<...>

Ср., например, «Гимн Афродите» Сафо (пер. Вяч. Иванова):

Стала на червонную колесницу,
Словно вихрь несла ее быстрым летом

Крепкокрылая, над землею темной
Стая голубок.

В оригинале — не голуби, а посвященные Афродите воробьи. Ср. также в статье «Слово и культура» (1921): «Кто остановит солнце, когда оно мчитя на воробьиной упряжи в отчий дом <...>» (Мандельштам 1990, 168).

⁹ Один раз Мандельштам прямо называет реку сухой: <...> *В сухой реке пустой челнок плывет. // Среди кузнечиков беспмятствует слово* («Ласточка», 1920). Здесь *пустой челнок* — почти синоним «беспмятствующего слова». Иногда «вóды» реки времени сравниваются с сухими листьями: <...> *И лодка, волнами шуриша. // Как листьями...* («Как тень внезапных облаков...», 1910). Ср. также: <...> *Сухое золото классической весны // Уносит времени прозрачная стремнина* («С веселым ржанием пасутся табуны...», 1915). Эпитет *сухая* в стихотворении о забытом слове — это перевод греческого σκλήρως [ср. «Шум времени» (1923—1924?): «Вспоминать — идти одному обратно по руслу высохшей реки!»; «Тютчев ранним склерозом, известковым слоем ложился в жилах»; «Египетская марка» (1927): «<...> сладкий предсклеротический шум в крови <...>» (Мандельштам 1990, 45, 80), а также все стихотворения о «сухой крови»]. Таким образом, *сухая река* — это и река времени, и река забвения, и Лета (тоже сухая, лишаящая памяти, то есть вызывающая склероз), и «склеротический» кровоток [неявно используется метафора «время — кровь века»; ср. в «Четвертой прозе» (1930): «<...> черная лошадиная кровь эпохи» (Мандельштам 1990, 91)].

¹⁰ Возможно, что имеется в виду просто венок победителя: именно победителю на играх обещает Пиндар бессмертную славу; ср. Истм., 5: «<...> отнеси ему сию волняную повязку (μίτρα) <...>» (Мартынов 1827, II: 116, 153).

¹¹ Ср. «Слово и культуру»: «<...> есть нечто более голодное: время» (Мандельштам 1990: 170—171). В тех же категориях Мандельштам описывает пространство: «<...> голод в междупланетных пространствах» (1990: 172).

¹² Сравнение поэзии со вспашкой есть у Пиндара (Пиф., 6): «<...> Афродиты и Харить воздѣлываемъ ниву <...>» (Мартынов 1827, I: 197); у Овидия (Trist. II, I, 327): <...> *пашу я бесплодное поле <...>* (пер. А. Фета). Каллимах говорит, что предпочитает худощавую (λεπτός) Музу тучной (παχύς — слово, обозначающее также плодородность почвы) (см. Чистякова 1988, 75—76). Сближение земли и времени можно усмотреть в Пиф., 9 (Оры и Гея вместе кормят праправнука Геи Аристея), что объясняется, очевидно, существованием сельскохозяйственного сезонного цикла. О том, что мандельштамовская метафора обусловлена омонимической связью между вспашкой и поэзией (в латинском языке *versus* означает и 'борозда', и 'стих'), см. Ronen 1983, 84 п. 27. Ср. также у Вяч. Иванова: <...> *Мы бросили довременное семя // В твои бразды, беременное Время <...>* («Единых тайн двугласные уста...», 1909). Упоминание Нееры отсылает читателя к Тибуллу (III книга) и к А.Шенью (Ronen 1983, 203). Мандельштам — автор «Заметок о Шенью» знал, наверное, и такой фрагмент поэмы «Гермес», содержащий метафору «мгновение-борозда»: <...> *Sur les temps écoulés invisible et flottant // A tracé dans cette onde un sillon d'un instant!*

¹³ Ср.: «<...> человечество <...> как пахарь, жаждет целины времен» (Мандельштам 1990, 169).

¹⁴ Ср. мандельштамовский Анд (в Киммерии): <...> асфоделей // *Прозрачно-серая весна; Туда душа моя стремится, // За мыс туманный Меганом* <...> («Меганом», 1917), а также: *Словно темную воду, я пью помутившийся воздух* («Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...»).

¹⁵ Мандельштам знал, что созвездие Большой Медведицы называлось у греков и римлян еще Повозкой и Колесницей (например, II. XVIII, 487; Od. V, 273): *Распряженный огромный воз // Поперек вселенной торчит* («Я по лесенке приставной...», 1922). К. Ф. Тарановский приводит аналогичное наименование, отмеченное в восточнославянских диалектах (Taranovsky 1976, 144).

¹⁶ Античная традиция знает также лишенную всякой символики эпитафию коню, погибшему в расцвете сил («Borysthenes Alanus...», приписывается императору Адриану).

¹⁷ У Анаксимандра: «Земля же парить въ воздухѣ, ничѣмъ не поддерживаемая <...>» (Маковельский 1914, I: 39). Здесь таится возможность межъязыковой паронимасии, и даже не одна: ср. *полая* и *пóλος* 'ось, небосвод, солнечные часы'; *литая* и *литургия*; см. примеч. 30 [*пóλος* восходит к тому же индоевропейскому корню, что и *кúκλος* 'круг, колесо' (Chantraine 1974, 3: 878)]. Уместно напомнить, что отождествление времени с вращающимся небесным сводом (то есть с пространственной структурой) бытовало в античности: с такими взглядами, в частности, полемизировал Плотин (Епп. III, 7, 7—8); ср. также у Аристотеля (De coelo, 279a).

¹⁸ В Ночь уходят корни всех стихий (Hes., Theog., 736—745). Ср.: *В кипящие ночные воды // Опущен грузный лес тенет* («Сумерки свободы», 1918). Мандельштам цитирует «Плакальщиц» Эсхила (стихи 504—507): <...> *Вьдѣ, дѣти славу // Твою же сохранять. Они похожи // На полавки, что неводѣ изъ льняныхъ // Крученныхъ нитей утонуть не пустятъ* (пер. Н. Котелова). «Ночные воды» представляют своего рода хтоническое время, из которого все возникает и в которое все возвращается; возможно, что именно поэтому «влажный чернозем Нееры» распаивается ночью. Ср. метафорическую *этимологическую* ночь — средоточие языковых корней: <...> пока Велимир Хлебников <...> погружает нас в самую гущу русского корнесловия, в *этимологическую* ночь <...> жива русская литература, литература „Слова о полку Игореве“» (Мандельштам 1990, 175).

¹⁹ Деревья дубовой рощи в Додоне обладали пророческим даром. Эсхил в «Прикованном Прометее» говорит об этом святилище Зевса: <...> *И гдѣ шумятъ таинственной листвою // Священные, пророческіе дубы* (пер. Д. Мережковского). Ср. также: <...> этотъ сказочный міръ античности, этотъ шелестъ вѣчно зеленого дуба греческой саги <...> (Зелинский 1911, 81). В черновом варианте «Грифельной оды» (см. Ropen 1983, 102): *Теперь кто за руку возьмет // Старейшину слепцов зеленых* <...> В другом варианте: <...> *И поводиры дубов зеленых* <...> Связь слепоты и пророческого дара общеизвестна. Образ вещей листвы неоднократно встречается у Вяч. Иванова, например: <...> *Вещих листьев слушать легкий лепет* <...> <...> («Жрец озера Неми», 1903); см. также его стихотворения «Дриады» (не позднее 1904), «Рубка леса» (1913).

²⁰ Свообразной антитезой этой цитате из Гераклита является первое из «Восьмистиший» (1933, 1935): <...> *Играет пространство спросонок — // Не знавшее люльки*

дитя. Хотя речь в этих стихах идет, по-видимому, о бабочке, они имеют и буквальный, более абстрактный смысл. Если в «Нашедшем подкову» Мандельштам использовал представление о структуре пространства для того, чтобы охарактеризовать время, то здесь представление Гераклита о времени и вечности переносится на пространство. (При этом появляется некоторый кантианский оттенок: у Канта пространство и время тоже «не знают люльки», поскольку суть «необходимые априорные представления», не формирующиеся, не воспитывающиеся в сознании, логически предшествующие опыту).

²¹ При изучении греческого языка Мандельштам мог пользоваться словарем И.Синайского, где словом ἀστραγάλις переводится «игра в бабки», «игра в позвонки, в лодыжки», а «позвонок» и «бабка, игральная кость» переданы одинаково: ἀστράγαλος (1867, 215, 450, 16).

²² Ср. у Вяч. Иванова: *Эоны долгие, светило, ты плывешь; // Ты мой летучий век, как день, переживешь <...>* («Покорность», 1890).

²³ «Агональную модель космоса» можно встретить и у Вяч. Иванова («Лири и ось», 1914). Две фразы в «Египетской марке»: «Рысак выбрасывает бабки»; «Серебряные стаканчики наполняют Миллионную» (1990, 75) — могут быть поняты иносказательно, в смысле «решается судьба века» или «век бросает жребий» (жребий, то есть игральная кость, выбрасывается из стаканчика).

²⁴ Этот мотив тоже встречается у Мандельштама, начиная со строк: *Довольно огненных страниц // Уж перевернуто веками* («Под грозowymi облаками...», 1910) — и кончая поздним: *<...> столетья // Окружают меня огнем* («Стихи о неизвестном солдате», 1937).

²⁵ Мандельштам мог быть знаком с этой терминологией: «Слѣдует замѣтить, что въ Вѣѣтомъ» З<авѣтъ> не существуетъ слова для обозначения „міра“<. Въ Еккл. III, 11 слово олам' (ὄλαμ) <sic!> означаетъ вѣѣность, а не міръ. „Вѣѣкъ сей“ в мессіаническихъ чаяніяхъ Израіля противопоставляется „будущему вѣѣку“, и понятіе міра (космоса) постепенно отождествляется съ первоначальнымъ понятіемъ вѣѣка — зона» (Трубецкой 1906, 237—238 примеч. 1).

²⁶ Известно позднее (после VI в.) греческое прилагательное κυκλατός 'подкованный', образованное из κύκλος 'круг' с помощью латинского суффикса (Chantraine 1970, 2: 597).

²⁷ Ср. Овидий о своей поэзии: *<...> чаша моя с теплой, застойной водой* (Ex ponto, III, 4, 56; пер. Н. Вольпин).

²⁸ Ср., например: «На многих амулетахъ находятся изображенія Митры, или его льва <...> Мы связываемъ <...> съ этими гностическими теоріями <...> изображенія Митры съ головою льва, или окруженнаго змѣями» (Ревиль 1898, 100—101).

²⁹ Ср. Ов., Мет. XV, 234—236 (пер. А. Фета): *Ненасытное время и ты, ненасытная старость, // Вы разрушаете все, и зубами вѣѣка попортя, // Мало по малу вы все поглощаете медленной смертью.*

³⁰ Подробнейший анализ мандельштамовской *пшеницы* в ее связи с христианской символикой дал Е. А. Годдес (1988). Хотелось бы обратить внимание на еще одну параллель к стихам <...> *А небо будущим беременно — // Пшеницей сытого эфира*

(«А небо будущим беременно...», 1923): «Ведь все вещи были сотворены сразу, будучи изначально включены в материю мира. Но они ждут своего подходящего момента, чтобы появиться. Подобно беременным матерям, носящим свои зародыши, мир беременен причинами тех вещей, которые еще только будут существовать <...>» (Aug., De Trin. III, 9; цит. по Майоров 1978, 311). Идея эта была заимствована у неоплатоников и восходит к λόγοι σπερματικοί стоиков и далее, возможно, к σπερμάτα Анаксагора и к учению Гераклита: «<...> Гераклитъ объявилъ сущностью судьбы Логось, прозывающій субстанцію вселенной. Это — эфирное тѣло, сперма рождения вселенной и мѣра назначеннаго круга времени» (Маковельский 1914, I: 142) [воззрения Анаксагора о семенах вещей нашли отражение в трагедии И. Анненского «Меланиппа-философ» (действие 3, явление 11)]. У Овидия (Met. I, 89) золотой век «посеян» (sata est) — намек на народную этимологию имени Сатурна [ср. также попытку возвести лат. *saeculum* к и.-е. *sēi- 'сеять' (Гавлова 1969, 39)]. Тожество «Логос-шар = век (золотой)» есть и у Мандельштама; к сказанному достаточно добавить еще несколько сопоставлений: *Вот дароносица, как солнце золотое, // Повисла в воздухе <...>; <...> божественный сосуд // Нещерпаемым веселием струится* («Вот дароносица, как солнце золотое...»); <...> *Слово — чистое веселье <...>* («И поньне на Афоне...», 1915); «Для него и слово — плоть, и простой хлеб — веселье и тайна» (Мандельштам 1990, 168); и наконец: <...> *Время — царственный подпасок — // Ловит слово-колобок* («Как растет хлебов опара», 1922); в последней цитате тоже слышны отголоски Гераклитовой метафоры (Ronen 1983, 4; Brojde 1975, 190—191). При этом «веселье» причащения слову напоминает Оригена: «Тѣло Бога-Слова или кровь Его не можетъ быть ни чѣмъ, какъ только словомъ, которое питаетъ, и словомъ, которое веселитъ сердце» (In Math. LXXXV; см. Андреев 1916, стб. 656). В литургии переживается сакральный момент христианского времени, и в этом аспекте она отчасти аналогична Сатурналиям — реактуализации сакрального золотого века. В «Слове и культуре» Мандельштам говорит, что «нужно рассыпать пшеницу по эфиру» (Мандельштам 1990, 172). Первый, очевидный смысл метафоры — 'нужно насытить (saturare) голодное время', а насытить его можно только «христианско-эллинским», вневременным Словом: «Кто поднимет слово и покажет его времени, как священник евхаристию, — будет вторым Иисусом Навином» (Мандельштам 1990, 171), то есть остановит всепожирающее время [в латинской богословской литературе *saturare* и его дериваты часто используются для обозначения евхаристии, именуемой, например, *saturatio Dominica*; Августин (Epist. 140, 25, 62) называет Христа *saturator*]. Второй, менее явный смысл предложения «рассыпать пшеницу по эфиру» — 'посеять новый эон, новый век-мир' [у Арнобия (Adv. gent. I, 34) Бог — «sator saeculorum et temporum»; греческий глагол σπεῖρω 'сеять' (откуда σπερμάτα) означал также 'разбрасывать, рассыпать'].

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев, С. С.: 1975, 'Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья', *Античность и Византия*, Москва, 266—285.
- Андреев, И.: [1916], 'Ориген', *Новый энциклопедический словарь*, Петроград, т. 29: Ньюфаундленд — Отто, стб. 652—659.

- Брагинская, Н. В.: 1975, 'Эон в «Похвальном слове Константину» Евсевия Кесарийского', *Античность и Византия*, Москва, 286—305.
- Бычков, В. В.: 1981, *Эстетика поздней античности: II—III века*, Москва.
- Гавлова, Е.: 1969, 'Славянские термины 'возраст' и 'век' на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках', *Этимология 1967*, Москва, 36—39.
- Гаспаров, М. Л.: 1980, 'Поэзия Пиндара', Пиндар; Вакхилид, *Оды; Фрагменты*, Москва, 361—383.
- Грингмут, В.: 1887, *Несколько слов о ритмическом строе Пиндаровых од*, Москва.
- Добрицын, А. А.: 1990, 'Слово-Логос в поэзии Мандельштама: («белое пламя» и «сухая кровь»)', *Quinquagenario Alexandri II'usini oblata*, Москва, 39—44.
- Зелинский, Ф.: 1911, *Из жизни идей: Научно-популярные статьи*, Санкт-Петербург, т. II: Древний мир и мы: Лекции<, > читанные ученикам выпускных классов С.-Петербургских гимназий и реальных училищ весной 1903 г., Издание 3-е, с приложениями.
- Иванов, В. И.: 1989, 'Эллинская религия страдающего бога', Эсхил, *Трагедии*, Москва, 307—350.
- Лебедев, А. В.: 1987, 'Агональная модель космоса у Гераклита', *Историко-философский ежегодник '87*, 29—46.
- Левинтон, Г. А.: 1977, '«На каменных отрогах Пиэрии...» Мандельштам: Материалы к анализу', *Russian Literature*, vol. V, № II, 123—170; № III, 201—236.
- Лосев, А. Ф.: 1988, *История античной эстетики: Последние века*, Москва, кн. 2.
- Майоров, Г. Г.: 1978, *Формирование средневековой философии: Латинская патристика*, Москва.
- Маковельский, А.: 1914—1919, *Досократики: Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований*, Историко-критический обзор и перевод фрагментов, доксографического и биографического материала А. Маковельского, Казань, ч. I—III.
- Мандельштам, О.: 1971, *Собрание сочинений: В 3 т.*, New York, т. II: Проза, Издание 2-е, пересмотренное и дополненное.
- Мандельштам, О.: 1990, *Сочинения: В 2 т.*, Москва, т. 2: Проза; Переводы.
- Мартынов, И.: 1827, Пиндар, переведенный с Греческого языка И. Мартыновым, С примечаниями переводчика, С.-Петербург, ч. I—II.
- Мочульский, К.: 1988, 'О. Э. Мандельштам', *Даугава*, № 2, 112—114.
- Нилендер, В.: 1910, Гераклит Ефесский, *Фрагменты*, Перевод В. Нилендера, Москва.
- Ревиль, Ж.: 1898, *Религия в Риме при Северах*, Перевод с французского, Под редакцией В. Н. Линда, Москва.
- Рожанский, И. Д.: 1971, 'Проблемы исторической психологии и изучения античности', *Вопросы философии*, № 9, 167—174.
- Синайский, И.: 1867, *Русско-Греческий словарь*, Издание 2-е, исправленное и дополненное, Москва.
- Таннери, П.: 1902, *Первые шаги древне-греческой науки*, Перевод Н. Н. Полюновой, С. И. Церетели, Э. Л. Радлова и Г. Ф. Церетели, С предисловием А. И. Введенского, С.-Петербург.

- Тарановский, К.: 1967, 'Пчелы и осы в поэзии Мандельштама: К вопросу о влиянии В. Иванова на Мандельштама', *To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday*, The Hague — Paris, vol. III, 1973—1995.
- Тоддес, Е. А.: 1988, 'Статья «Пшеница человеческая» в творчестве Мандельштама начала 20-х годов', *Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения*, Рига, 184—217.
- Трубецкой, С. Н.: 1906, *Учение о Логосе в его истории: Философско-историческое исследование*, Москва.
- Трубецкой, С. Н.: 1910: *Курс истории древней философии*, Издание 2-е, Москва, ч. I.
- Чистякова, Н. А.: 1988, *Эллинистическая поэзия: Литература, традиции и фольклор*, Ленинград.
- Belayche, N.: 1984, 'Aîôn: vers une sublimation du temps', *Le Temps chrétien de la fin de l'Antiquité au Moyen âge*, Paris, 110—29.
- Broyde, S. J.: 1973, 'Osip Mandel'stam's «Našedšij podkovu»', *Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky*, The Hague — Paris, 49—66.
- Broyde, S.: 1975, *Ossip Mandel'stam and His Age*, Cambridge, Mass. — London.
- Chantraine, P.: 1968—1970, *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots*, Paris, t. 1: А—Δ; t. 2: Е—К, t. 3: Л—Π.
- Oraić, D.: 1988, 'Цитатность', *Russian Literature*, vol. XXIII, № II, 113—132.
- Przybylsky, R.: 1966, 'Arkadia Osipa Mandel'stama', *Slavia orientalis*, vol. XIII, № 3, 243—262.
- Ronen, O.: 1983, *An Approach to Mandel'stam*, Jerusalem.
- Schlott, W.: 1981, *Zur Funktion antiker Göttermythen in der Lyric Osip Mandelstams*, Frankfurt a. M. — Bern.
- Terras, V.: 1966, 'Classical Motives in the Poetry of Osip Mandel'stam', *Slavic and East European Journal*, vol. X, № 3, 251—267.
- Terras, V.: 1969, 'The Time Philosophy of Osip Mandel'shtam', *Slavonic and East European Review*, vol. XVII, № 109, 344—354.
- Taranovsky, K.: 1976, *Essays on Mandel'stam*, Cambridge, Mass. — London.